

Е. А. МАЙМИН

О второй волне русского сентиментализма

Традиционный (а отчасти и примитивный) взгляд на литературные направления предполагает последовательную смену одного направления другим: сперва классицизм, потом сентиментализм, потом романтизм, далее — реализм. При этом многие исследователи придерживаются мнения, что каждое последующее направление выше предыдущего. Романтизм выше классицизма, реализм выше всего другого и т. д. В результате характерное для многих пушкинистов стремление доказать, что Пушкин стал реалистом в начале 20-х гг., и Радищев был реалистом, и Лермонтов от начала и до конца реалист. Реализм возводится в высшее достоинство, а в классицизме или романтизме ищут черты ущербности.

Все это неверно, далеко от жизни, далеко от реальной сложности явлений. Классицизм мог быть не только в XVII и XVIII вв., но яркие черты его можно обнаружить и в годы расцвета реализма, в XX в. (например, в литературе социалистического реализма). Романтизм классический, т. е. начала XIX в., был продолжен и развит в начале XX в., например, в литературе символистов. Классицизм и романтизм в литературе не только со временем преодолеваются, но и продолжают и развиваются, и в известном смысле обновляются. Все это имеет отношение и к сентиментализму.

Известно, что сентиментализм возник в Англии в XVIII в. Его представители — Л. Стерн, С. Ричардсон, О. Голдсмит. Во Франции крупнейшим представителем сентиментализма был Жан-Жак Руссо, в Германии — автор «Страданий молодого Вертера». Сентиментализм, как, кстати, и другие направления, был не только явлением собственно литературы, но и общечеловеческой культуры. Он был открытием новых путей и новых областей художественного познания, он означал обращение к миру общечеловеческих чувствований и переживаний. Предметом художественного изучения для сентименталистов становится не герой и героические (часто также и трагические) деяния, а просто человек, с его человеческими мыслями и делами, в обыденной жизни его сердца и души.

Сентиментализм означал повышенное внимание к человеческим переживаниям. Одна из первостепенных целей, которые он ставил перед собой, — воспитание в читателе умения сочувствовать. Сочувствовать — значит чувствовать вместе, ощущать человеческое чувство, чужое чувство как свое собственное. В этом заключалось великое значение того, что называлось сентиментализмом. Для сентименталистов подлинный человек — это человек, способный к сочувствию, к сопереживанию. Человек — это и есть существо, способное к сочувствию.

Это более всего и прежде всего выразилось и проявилось в английском сентиментализме. Стерн, Голдсмит, в поэзии — Юнг создали произведения

высочайшего художественного уровня, исполненные новых идей и важных художественных открытий. О человеке они писали с любовью, они более, чем писатели в других странах, проявили умение выразить добрые чувства к человеку через комическое, они были создателями высокого искусства юмора. Юмор — это сердечное комическое, это смешное, исполненное любви. Он оказался замечательным художественным средством, позволяющим максимально приблизить к читателю героя-человека и его мир чувств.

Мир человеческих чувств английские и другие сентименталисты изображали преимущественно в жанре романа. Часто это был роман в письмах. Через письма литературных героев происходило самое полное и вместе с тем предельно живое выражение их чувств и переживаний. Герои как бы исповедовались в своих чувствах, и это позволяло читателю увидеть их изнутри, увидеть их со всюю достоверностью и глубоко.

Английскому сентиментализму обязана мировая литература и появлением особого рода произведений, которые назывались путешествиями. Жанр путешествий существовал и раньше, еще до сентиментализма. Но у сентименталистов не обычное путешествие, а путешествие особого рода. Они интересны не описанием стран и народов, а раздумьями героя, размышлениями, его чувствами. Стерн назвал свое путешествие «сентиментальным». Слово «сентиментальное» определило новое в жанре, определило главный интерес писателя не к внешнему миру, а к внутреннему, не к описанию внешних предметов, а к проникновению в человеческие чувства.

Помимо европейского сентиментализма существовал и сентиментализм русский. Он возник в конце XVIII в. и был представлен именами Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева. Карамзин в сентиментальном ключе написал свои «Письма русского путешественника». Он написал также повесть «Бедная Лиза», одно из ведущих произведений русского сентиментализма и одно из самых характерных.

Главная героиня повести — крестьянка, или, как называет ее писатель, «селянинка». Тема повести — любовь крестьянки к богатому человеку, дворянину Эрасту. Эта поначалу счастливая любовь кончается трагически: Эраст бросает Лизу, и она кончает жизнь самоубийством. Своей повестью Карамзин показывает, что и «крестьянки любить умеют».

«Бедная Лиза» по выходе в свет произвела большое и сильное впечатление. История, рассказанная Карамзиным, трогала, в нее верили. Нашлись люди, которые в своей собственной судьбе видели сходство с судьбой бедной Лизы и, подобно ей, кончали жизнь в Лизинем пруду.

Но так было сравнительно недолго. Довольно скоро повесть Карамзина потеряла свою живую действенность, ее стали забывать, перестали читать. Для читателя последующих лет — тем более для современного читателя — повесть стала неинтересной, отчасти манерной, скучной. Это в отличие от романов Стерна и Голдсмита, которые и по сию пору исполнены большого художественного интереса.

Карамзин был подлинно велик как автор «Истории государства Российского», но не своими сентиментальными повестями. Повести уступали в силе своего воздействия соответствующим европейским романам — и сильно уступали. То же можно сказать и о поэзии И. И. Дмитриева. Его знаменитое стихотворение «Стонет сизый голубочек» сейчас воспринимается едва ли не как пародия. Русский сентиментализм конца XVIII в., как бы ни относиться к отдельным произведениям, уступает по своему художественному воздействию и особенно значению сентиментализму английскому, французскому, немецкому.

Но так было только в отношении раннего русского сентиментализма, сентиментализма Карамзина и Дмитриева. Между тем история русского сен-

тиментализма не ограничивается только этими именами и этим ранним временем. Русскому сентиментализму суждено было снова возродиться в 30—40-е гг. XIX в., и теперь он появляется обновленным, богатым великими именами и великими общественными идеями. Об этом почти ничего не написано в научной литературе, и это мало учитывается, хотя и имеет большое историко-литературное и культурное значение.

Вторая волна русского сентиментализма — это некоторые произведения А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Д. В. Григоровича, Ф. М. Достоевского. Это то, что Аполлон Григорьев (едва ли не единственный) отнес к роду «сентиментального натурализма». Аполлон Григорьев не вдавался в подробности, но он употребил слово «сентиментальный», что доказывает его глубокое понимание вещей.

Новая волна сентиментализма — мы уже касались этого — начинается с Пушкина. Пушкин писал не только на разные темы и в разных жанрах, но и в разных направлениях. Он был зачинателем реализма, когда создавал «Евгения Онегина» и «Графа Нулина» и другие свои произведения, но одновременно он бывал и романтиком и сентименталистом.

Яркие черты сентиментализма в поэтике мы встречаем в повести «Станционный смотритель». Это этапное произведение для русской литературы. Достоевскому приписывают слова: «Все мы вышли из гоголевской „Шинели“». То же самое, но с еще большим правом, можно было бы сказать: «Все мы вышли из „Станционного смотрителя“ Пушкина».

Что делает «Станционный смотритель» произведением сентиментального рода и направления? Прежде всего выбор героя. Это человек не высокого ранга, не герой, а просто человек. Его переживания, мир его чувств становятся предметом авторского изображения. Важно не то, что в действительности случилось с его дочерью Дуней, а то, как это представляется Вырину, что он об этом думает, что чувствует.

В повести Пушкина нет прямо отрицательных героев, никого автор персонально не обличает. Гусар, который похитил дочь Вырина, отнюдь не злой человек. По всему видно, что он действительно любит Дуню. Но ведь этого не может знать Вырин. Зато он хорошо знает другое: как в таких случаях бывает. «Не ее первую, — рассуждает он, — не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал, да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе и бархате, а завтра поглядишь, метут улицу вместе с голюю кабацкой. Как подумаешь порою, что Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь да пожелаешь ей могилы...».

Что и как чувствует Вырин — вот что интересует Пушкина более всего. И это-то и делает повесть Пушкина в значительной мере сентиментальной. Как делает ее сентиментальной и сильный, господствующий над всем авторский голос, голос авторского сочувствия и сострадания.

Сентиментальный характер имеют и повести Гоголя «Шинель» и «Старосветские помещики». Они тоже являются этапными в истории русской литературы. В «Шинели» в центре нашего внимания опять же человек из малых сих. Он беззащитен, безволен, до крайности унижен и забит. Акакий Акакиевич Башмачкин, герой повести, представляет собой крайнее выражение униженного человека. Но Гоголю как раз и нужен был такой герой, чтобы довести до сознания читателя со всею ясностью, что во всяком человеке заключено человеческое, что каждый человек есть наш брат по человечеству.

В повести, как и во всех произведениях сентиментального направления, постоянно слышится сочувствие автора к своему герою. Оно ощущается в самой интонации повествования, в особой музыке слова. За интонацией —

скрытая теплота авторского сопереживания. Сочувствие автора к герою становится не скрытым, а явным, оно звучит в полный голос, когда Гоголь рассказывает о молодом человеке, посмеявшемся над Башмачкиным: «Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: „Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?“. И что-то странное заключалось в словах и в голосе, с каким они были произнесены. В нем слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что один молодой человек, недавно определившийся, который, по примеру других, позволил было себе посмеяться над ним, вдруг остановился как будто пронзенный, и с тех пор как будто все переменялось перед ним и показалось в другом виде <...> И долго потом, среди самых веселых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкой на лбу, с своими проникающими словами: „Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?“, и в этих проникающих словах звенели другие слова: „Я брат твой...“».

К сентиментальному роду близка и прекрасная повесть Гоголя «Старосветские помещики». Эта повесть о немудреных, ничем особенно не примечательных людях — Афанасии Ивановиче и Пульхерии Ивановне. Но она производит впечатление поэмы во славу этих непритязательных людей. По многим внешним признакам прямые обыватели на поверку оказываются настоящими людьми. Они всегда вместе, они не могут быть друг без друга — это и есть та привязанность, которая превышает иной высокой, романтической любви.

Повесть исполнена глубокого юмора. Герои одновременно и смешные, и великие. Смешное неотделимо от нескрываемого, сильного сочувствия. Тут есть все признаки сентиментальной поэтики.

На той же линии, что и «Шинель» Гоголя, и «Старосветские помещики», находятся и драма Тургенева «Нахлебник», и повесть Григоровича «Антон-горемыка», и повесть Достоевского «Бедные люди», которой открывается его литературный путь.

«Бедные люди» — это повесть о простых, незаметных и прекрасных людях. Она написана в форме писем. Такие романы (или повести) в письмах писали во времена классического сентиментализма, во времена Достоевского они стали редкостью. Форма романа в письмах сама по себе была свидетельством возвращения к сентиментализму.

Это подлинный сентиментализм. Это русский сентиментализм в его самом высоком выражении. Повесть «Бедные люди», как и указанные повести Пушкина и Гоголя, воспитывали в читателе человеческие чувства, учили его человеческому умению сопереживания. Они приобщали читателя к незримому миру слез и радостей человеческих — и тем самым безмерно обогащали его духовно.

Макар Девушкин, герой повести «Бедные люди», внешне похож на гоголевского Акакия Акакиевича Башмачкина. Но, в отличие от Башмачкина, он показан не со стороны, не от автора, а изнутри, предельно близко и осязаемо. Герой Достоевского сам рассказывает о себе и раскрывает себя. В результате в неприметном герое Достоевского открываются такое внутреннее богатство, такая красота, тонкость и щедрость души, что читатель не только сострадает герою, но и готов перед ним преклониться.

Достоевский в своей повести идет от Пушкина, идет от Гоголя — и сам в этом признается. Варенька Доброселова в целях педагогических посылает Девушкину для прочтения повесть «Станционный смотритель». Девушкин прочел повесть и совершенно потрясен прочитанным. Он пипет Вареньке: «Теперь я „Станционного смотрителя“ здесь в вашей книжке прочел. Ведь вот скажу я вам, маточка, случается же так, что живешь, а не знаешь, что под боком там у тебя книжка есть, где вся жизнь твоя, как по пальцам,

разложена. Да и что самому прежде невдогад было, так вот здесь, как начнешь читать в такой книжке, так сам все помаленьку и припомнишь, и разыщешь, и разгадаешь <...> я не могу слишком важных сочинений читать; а это читаешь, — словно сам написал, точно это, примерно говоря, мое собственное сердце, какое уж оно там ни есть, взял его, людям выворотил наизнанку, да и описал все подробно — вот как!».

Красота души героя раскрывается Достоевским более всего через любовь. Достоевский, горячо любивший Шиллера и как художника и как тип человека, называл идеальных людей «Шиллерами». Макар Девушкин и есть один из «шиллеров». Он, тихий и незаметный в своем обыденном поведении, в сердце и мыслях своих герой, воистину человек. Не ропшущий на судьбу, давно и накрепко смирившийся со своим положением, он, однако, способен и взбунтоваться, если дело касается не его самого, а любимой им Вареньки. Когда он узнает, что у Вареньки появился недостойный соискатель, гневом наполняется его душа, он, слабый, идет против сильного.

Степень воздействия повести Достоевского на читателя велика. Она объясняется не только трагической судьбой героев, но и близостью к ним автора, слиянностью автора с героями. Когда Достоевский говорит о душевных муках Девушкина или Вареньки Доброселовой или других героях повести — Покровских, Горшкове, он и сам истинно мучается. У него самого сердце кипит и душа «от слез дрожащая».

Позднее в романе «Идиот» Достоевский скажет: «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества». Для Достоевского этот закон бытия становится и основным законом его творчества. С самого начала его пути — и до конца: и в «Бедных людях», и в «Униженных и оскорбленных», и в «Преступлении и наказании», и в «Подрустке», и в «Братьях Карамазовых» и т. д.

Прочитав повесть Достоевского, впечатлительный читатель не перестает думать о ее героях. Эти маленькие и бедные люди силою гуманнейшего таланта Достоевского остались надолго в сердцах и мыслях читателей. И они со всею очевидностью доказали читателю, что нет «маленького человека», что всякий человек заслуживает внимания и уважения и что те, кого в жизни называют «маленькими», часто бывают большими — людьми великодушными, с «вместительным» сердцем. В сущности в этом и заключено основное содержание, основная мысль всей темы «маленького человека».

Тема «маленького человека» — одна из вездущих, главных тем русской литературы. Русской классической литературы вообще. Однако возникла она в недрах сентиментализма — а именно второй волны русского сентиментализма, — она обязана своим бытием сентиментальному взгляду на вещи. Сентиментальное — это не нечто сладенькое и ущербное, как представляется обывательскому, слишком прямолинейному сознанию, сентиментальное — это в основе своей истинно человеческое. И оно в максимальной степени присуще русской культуре, русской мысли, русской духовности.